

Глядя, как мужчина протягивает ему сочную куриную ножку, Ху Цзюмин едва сдерживался, чтобы не цапнуть угощение. Но стоило ему потянуться вперёд, как искуситель отдернул руку, поднёс мясо к носу и зажмурился от удовольствия. От этого издевательски-блаженного вида у лиса судорожно пересохло в горле.

Обиженно поджав лапу, лисёнок покосился на Цзи Цина — и так и замер под ледяным взглядом даоса. По спине тут же пробежал озноб: от молчаливого спутника буквально веяло грозным фронтом. Будучи зверем хитрым и сообразительным, Ху Цзюмин мигом понял, что его спаситель и этот щеголь снаружи терпеть друг друга не могут. И хотя причин он не знал, интуиция чётко подсказала, чью сторону принять.

Проводив уплывающую куриную ножку тоскливым взглядом, Ху Цзюмин зажмурился. С глаз долой — из сердца вон. Меньше всего ему сейчас хотелось навлечь на себя гнев угрюмого монаха и оказаться выброшенным на обочину. А лишаться покровительства даоса никак нельзя — у лиса на него имелись далеко идущие планы.

«Вот достигну бессмертия, — мечтательно подумал он, — затащу этого зануду в парное совершенствование и сожру без остатка. А пока придётся терпеть».

Сквозь щели в дощатом борту повозки Хуа Цин прекрасно видел пушистый комок, который, понурив голову, изо всех сил притворялся спящим. Император демонов насмешливо улыбнулся. Он небрежным жестом зашвырнул лакомый кусок в придорожные кусты. Уловив, как при этом вздрогнули чуткие ушки зверька, Свечной дракон притворно вздохнул:

— Какая жалость. Такая сочная, румяная ножка — и пропадёт ни за хвост собачий. Эх, истинное святотатство...

Пока изнывающий от голода лис боролся с искушением, повозка наконец докатилась до небольшого поселения. Прямо у въезда, как и говорил Цзи Цин, примостилась скромная таверна. Рядом с ней на ветру лениво колыхался синий стяг с размашистой надписью: «Набор бессмертных».

Едва повозка затормозила, Ху Цзюмин пулей выскочил наружу и юркнул в двери заведения. Выбрав стол поуютнее, он взгромоздился на лавку и замер в томительном предвкушении. В этот момент порог перешагнул Хуа Цин. Алое одеяние демона так и притягивало взгляды. Нимало не смущаясь, он вальяжно устроился по левую руку от пушистого обжоры и тут же подозвал слугу, заказывая гору изысканных яств.

Следом вошёл Цзи Цин. Заметив, что Свечной дракон уже примостился подле лисёнка, он неуловимо переменялся. Даос никак не мог взять в толк: этот прожорливый, капризный комок шерсти не отличался ничем примечательным, кроме спеси да бездонного брюха. Почему же могущественный Император демонов так упорно увивается вокруг него?

Опустившись на скамью справа от зверька, Цзи Цин подозвал полового. Под полным надежды взглядом Ху Цзюмина он невозмутимо произнёс:

— Две миски пшеничной лапши. Одну обычную, а во вторую... положите варёное яйцо.

Лис чуть не поперхнулся собственным вздохом. В этот миг последние иллюзии относительно щедрости даоса рассыпались в прах. Дождаться от этого упёртого сухаря хотя бы завалящего кусочка мяса было сложнее, чем заставить Жушаня отказаться от зимней спячки.

Жушань, древний чёрный соболь и лучший друг лиса на горе Юньцан, больше всего на свете боялся охотников. Дрожа над своей лоснящейся, роскошной шкуркой, он предпочитал не искушать судьбу и большую часть жизни проводить в глубокой норе. Стоило осени коснуться листвы, соболь заваливался спать до самой весны, и разбудить его в это время не под силу было даже грому небесному.

Глядя на сиротливую миску лапши с одиноким яйцом, Ху Цзюмин едва сдерживал слёзы. А по соседству уже вовсю шло пиршество: Хуа Цин изящно подцепил палочками кусок нежнейшей свинины «Дунпо». Сладковатый аромат томлёного мяса мгновенно заполнил всё пространство вокруг и защекотал лисий нос. С трудом сглотив набежавшую слюну, Ху Цзюмин обречённо уткнулся в свою постную баланду.

Прежде эта простая еда не казалась ему такой отвратительной. Более того, раньше он вылизывал миску до блеска. Но сегодня кусок не лез в горло. Сделав пару вялых глотков, лис замер, и он так и косился на соседнюю половину стола.

Несчастливая деревянная столешница разделилась на два мира: обитель нищеты и царство роскоши. Перед Хуа Цином красовались полупрозрачные паровые пельмени с креветками, сочная свинина, запечённые утки-неразлучники, изысканный суп «Нефритовая заводь» и куча других диковинных блюд, от одного вида которых кружилась голова. Перед даосом же и лисом высились две глиняные плошки с криво нарезанной лапшой, в которой сиротливо плавали три колечка зелёного лука. Зрелище было поистине жалкое.

Пока Ху Цзюмин пожирал глазами чужие деликатесы, Цзи Цин отложил палочки. Посмотрев на исходивший слюной пушистый комок, он ровным голосом спросил:

— Хочешь?

Лис замер, опасливо вглядываясь в лицо даоса. Не заметив явных признаков бури, он решительно кивнул.

— Жду на улице, — сухо бросил Цзи Цин.

Не дожидаясь ответа, он поднялся и вышел из таверны.

Ху Цзюмин остался сидеть на лавке, ошарашенно хлопая глазами. Было ли это милосердием или коварной проверкой на верность? Но поразмышлять ему не дали. Хуа Цин бесцеремонно

отодвинул сиротливую миску с лапшой и положил прямо перед носом лисёнка кусок тающей во рту свинины.

Взглянув на демона, лис заметил безмолвное покровительственное приглашение. Желудок жалобно взвыл, и всякая гордость окончательно испарилась. Без лишних сомнений Ху Цзюмин набросился на мясо и в один миг заглотил сочный кусок. Наконец-то утроба насытилась! Лис довольно зажмурился, и его пушистый хвост непроизвольно вильнул из стороны в сторону.

Глядя на него, Свечной дракон невольно вспомнил другое существо. Перед мысленным взором ожила их первая вылазка в мир смертных. Тот, кого он потерял, больше всего на свете любил нежное печенье.

Пододвинув к лисёнку тарелку со сладостями, Хуа Цин мягко произнёс:

— Попробуй вот это.

Мохнатый обжора брезгливо мотнул головой, всем своим видом показывая, что признаёт исключительно мясо, а приторная стряпня его не интересует. Но сидевший напротив демон будто и не заметил отказа. С невозмутимой улыбкой он подложил на тарелку ещё и рассыпчатый персиковый пирог.

Облизнувшись, Ху Цзюмин уже приготовился в очередной раз выразить протест, но стоило ему поднять взгляд, как сердце ушло в пятки. Он смотрел холодными, бездонными глазами, источая такую подавляющую мощь, что лапы лиса мелко задрожали. Осознав, с чудовищем какого масштаба имеет дело, он мигом растерял всю спесь, покорно схватил зубами кусок пирога и торопливо проглотил его.

Довольный покорностью, Хуа Цин ласково улыбнулся и придвинул к лису всё блюдо целиком.

— Я так и знал, что тебе понравится, — вкрадчиво проговорил он.

Ху Цзюмин мысленно взвыл, изобразив на мордочке подобие покорной улыбки. Глотая горькие слёзы пополам с приторной начинкой, он принялся послушно уничтожать подношение. Сладости то и дело застревали в горле, но заботливый мучитель тут же пододвигал к нему пиалу с тёплым чаем. Когда с десертом было практически покончено, Хуа Цин снисходительно указал на блюдо со свининой:

— Ну, сладостями побаловался, теперь можно и мясца отведать. Не всё же скромным питаться.

Услышав предложение, лис, однако, не обрадовался. Сил смотреть на еду уже не было. Он из последних сил замахал лапками, показывая, что сыт по горло. Ещё один кусок — и он войдёт в анналы истории как первый лис-оборотень, лопнувший от обжорства.

Хуа Цин протянул руку и ласково потрепал его по пушистой макушке.

— Капризный какой, — с напускной укоризной вздохнул демон. — Не хочешь — как хочешь. Пойдём.

Проводив взглядом поднявшегося из-за стола владыку, Ху Цзюмин неуклюже скатился с лавки и, тяжело переваливаясь с боку на бок, поковылял к выходу. Этот обед заставил его по-новому взглянуть на сурового даоса. С Цзи Цином по крайней мере всё было честно! А тут — «не хочешь — как хочешь»! А кто его только что чуть не силой душил этим проклятым печеньем?!

Кое-как выбравшись за порог, лис замер. Посреди улицы собралась толпа, в центре которой кольцом обступили Цзи Цина. Облачённый в белоснежные одежды даос стоял с крайне недовольным видом, едва сдерживая раздражение. Кое-как протиснувшись сквозь частокол чужих ног, Ху Цзюмин разглядел зачинщика смуты. Перед монахом высился сухопарый мужчина в сером балахоне, увешанном разномастными склянками и амулетами. Весь его облик так и кричал о том, что перед ними — местный колдун.

— Меня зовут Чжан Сыцин, — высокомерно процедил незнакомец. — Прошу почтенного мастера проследовать за мной.

Несмотря на вежливые слова, рука колдуна уже лежала на поясе, готовая в любой момент сорвать один из амулетов. Было очевидно: отказов он не примет и при необходимости применит силу.

Цзи Цин, покинув таверну первым, планировал спокойно дожидаться лисёнка снаружи. Сказав «хочешь — ешь», он в глубине души надеялся, что глупый зверь проявит преданность и сразу пойдёт за ним. Но мохнатый обжора остался. Разочарование смешалось с глухим раздражением, и даос стоял у коновязи сам не свой от злости.

На его беду мимо как раз проходил городской конвой, собиравший бродячих магов для государевой службы. Увидев статного мужчину под стягом «Набора бессмертных», стражники приняли его за соискателя и бесцеремонно потребовали следовать за ними. Раздражённый даос, не привыкший к подобному панибратству, просто отмахнулся, отправив одного из наглецов в затяжной полёт до ближайших кустов. Заметив это, сопровождавший отряд колдун сразу понял, что перед ним не чета обычным шарлатанам, и вознамерился заполучить ценного кадра любой ценой.

Увидев выкатившегося из таверны Ху Цзюмина, который преданно заскрёбся когтями по его голени, Цзи Цин на автомате потянулся, чтобы поднять его. Однако, перехватив поудобнее потяжелевшую тушку и наткнувшись взглядом на раздувшееся, как барабан, пузо, даос брезгливо разжал пальцы. Лисёнок шлёпнулся обратно в дорожную пыль.

Лицо монаха потемнело ещё сильнее. Круто развернувшись, он зашагал прочь, к повозке.

Кувыркнувшись в грязи, Ху Цзюмин мигом вскочил на лапы и припустил во весь опор за уходящим даосом. Обиделся! Определённо обиделся! Но после близкого знакомства с коварным Императором демонов лис прекрасно понимал, у кого под крылом безопаснее, а потому напрочь забыл о гордости и бросился наперерез.

Чжан Сыцин, которого проигнорировали самым наглым образом, почувствовал себя глубоко оскорблённым. Стремительно подавшись вперёд, он ловко перехватил толстого лисёнка поперёк туловища и высоко поднял над землёй.

— Почтенный мастер! — крикнул он в спину удаляющемуся даосу. — Если вам дорога эта тварь, советую остановиться.

Цзи Цин замер. Обернувшись, он увидел, как незнакомец бесцеремонно сжимает визжащего лисёнка. Гнев даоса достиг предела, он посмотрел ледяным взглядом, а голос, прозвучавший в наступившей тишине, казалось, мог заморозить саму землю:

— Отпусти его.

За долгие годы службы Чжан Сыцин повидал немало тварей и могущественных заклинателей. Пусть от ледяного тона незнакомца у него и поползли мурашки по спине, он быстро взял себя в руки.

— Не глупите, уважаемый, — высокомерно ответил колдун. — Этот набор проводится по личному указу императора, а отбором руководит величайший чародей нашей династии. Попасть в список — великая честь, которой удостоиваются единицы.

Цзи Цин медленно потянулся к мечу, теряя последнее терпение. Однако до кровопролития не дошло: из толпы зеваяк бесшумно соткался Хуа Цин. Игриво прикрыв рот широким рукавом алого халата, он тихо рассмеялся, а затем указал пальцем на себя:

— Послушай, колдун... Может, проверишь, гожусь ли я для твоей великой затеи?

Сжав притихшего Ху Цзюмина покрепче, Чжан Сыцин смерил наглого франта пренебрежительным взглядом.

— Можешь следовать за нами в резиденцию губернатора. Там мы испытаем твои силы, и если пройдёшь проверку — так и быть, возьмём.

Свечной дракон с улыбкой оглядел свои ухоженные ногти.

— К чему эти долгие проводы? Давай-ка проверим прямо здесь!

И небрежным, почти ленивым движением выбросил вперёд ладонь.

Колдун никак не ожидал столь наглого и стремительного нападения. Инстинктивно выставив руку для блока, он попытался отразить удар. Кажущийся слабым толчок отозвался в его теле костедробительной болью. Издав истошный вопль, Чжан Сыцин кубарем покатился по мостовой, напрочь позабыв о заложнике.

Объевшийся до икоты лисёнок, которого до этого немилосердно трясли, и так уже соображал с трудом, а теперь и вовсе взмыл в небо, окончательно потеряв ориентацию в пространстве. Цзи Цин и Хуа Цин синхронно рванулись вперёд, намереваясь поймать пушистый снаряд. Однако, переглянувшись в полушаге друг от друга, оба брезгливо и упрямо отдёргнули руки.

Несчастный пушистый ком с глухим стуком шмякнулся на утопанную землю. В глазах лиса заплескали искры, а из горла вырвался жалобный писк — проглоченные с таким трудом сладости едва не вылетели наружу.

<http://bllate.org/book/20393/2172449>